

ИСТОРИЯ

История и методические основы экономической истории как науки

И. Н. Шапкин*

Аннотация. Статья посвящена истории становления и развития экономической истории как самостоятельной отрасли экономической науки, рассмотрению основных методологических принципов и методических приемов, используемых в историко-экономических исследованиях.

Ключевые слова: экономическая история; этапы развития экономической истории; сравнительно-исторический метод; статистический метод; метод количественных измерений; исторический метод; метод исторического материализма; принцип системного анализа; «большая длительность»; «ментальность»; «новая историческая наука»; количественная история; «новые экономические историки».

History and Methodic Principles of the History of Economics as a science

I. N. Shapkin

Abstract. This article is devoted to the history of formation and development of economical history as an independent field of economics, examination of the main methodological principles used in history and economics research.

Keywords: history of economics; stages of development of the history of economics; comparative historical method; statistical method; method of the quantitative measuring; historical method; method of the historical materialism; the principle of the systematic analysis; mentality; "big duration"; "new historic science"; quantitative history; "new economic historians".

«...История хозяйства образует почву,
без познания которой немислимо плодотворное
исследование ни одной из областей культуры».
М. Вебер¹

Экономическая история — сравнительно молодая наука. Как междисциплинарная наука она сформировалась на стыке исторической и экономической наук в конце XIX в. Ее появлению предшествовал длительный «подготовительный» период.

Первые историко-экономические произведения появились в Европе в новое время — в XVI–начале XVII вв. В центре внимания авторов этих трудов — У. Стаффорда, Т. Мана, Д. Норса, Б. Даванзатти, А. Серра, Ж. Бодена, А. де Монкретьена и др. — находи-

*Шапкин Игорь Николаевич — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономическая история» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: ishapkin@fa.ru

¹Вебер М. История хозяйства. Очерк всеобщей социально-экономической истории. Пг., 1924. С. 16.

лись наиболее острые вопросы современной хозяйственной практики: проблемы денежного обращения, торговли, промышленности, мореплавания, колониальной политики и т. д. В них они пытались осмыслить изменения в западноевропейском обществе. Обращение к прошлому требовалось им для лучшего понимания современности, которая представлялась как звено в длинной цепи исторического развития.

Огромное влияние на становление историко-экономической науки оказало французское Просвещение. Прежде история представлялась собранием фактов, которые служили лишь образцами, примерами для подражания. «... История — это философия, которая учит нас с помощью примеров», — писал английский историк конца XVII–первой половины XVIII вв. лорд Болингброк². Просветители резко критиковали всю предшествующую систему исторических знаний как «схоластическое невежество». Они по-новому определили задачи исторической науки и исторического исследования. По их мнению, историк должен изучать те формы общественной жизни, которые определяли характер эпохи — законодательство, государственное устройство, искусство, науки, просвещение, быт народа и, конечно же, его хозяйственную жизнь. Они обратили внимание на необходимость исследования земледелия, ремесла, торговли, государственных финансов и т. д.

На развитие исторической и экономической мысли XIX в. повлияли промышленный переворот в Англии и французская буржуазная революция. Произошли качественные сдвиги в исследовательских предпочтениях. Центр тяжести анализа был перенесен из области изучения внешних событий в область внутренней истории. Жизнь правителей, подвиги полководцев, войны, дипломатические интриги и пр. уступали место изучению внутреннего быта, материальной культуры, повседневной жизни народов.

Смена исследовательских приоритетов явилась поворотным моментом в истори-

ческой науке, означавшим, что время, когда история сводилась к изучению в основном политической истории, прошло, что в ней набирали силу процессы, нацеленные на исследование глубинных явлений и взаимосвязей, в том числе в сфере экономики. Но вопрос о выделении экономической истории из исторической науки в самостоятельную научную отрасль пока не стоял.

Историки XVIII–середины XIX вв. приступили к изучению отдаленных эпох, в первую очередь античности. Хозяйственная жизнь древнего мира была широко представлена в трудах немецких историков — А. Геерена, которого составители «Британской энциклопедии» отнесли к «пионерам экономической интерпретации истории»³, А. Бека, Т. Моммзен, французских и английских историков: Л. Ренье, А. Ц. Д. де ля Маля, Дж. Финлея.

Историки первой половины XIX в. обратились также к изучению истории промышленности и торговли. В Англии вышли работы Э. Бейса по истории хлопчатобумажных мануфактур, Г. Скрайвенера — торговле железом, Д. Джеймса — шерстяной промышленности, С. Тимминса — промышленной истории Бирмингема, Т. Бейнса — торговли Ливерпуля, Д. Макферсона — мануфактур и торговли. Первой монографией по истории промышленности США стало исследование Д. Л. Бишепа, Франции — А. С. Шапталы⁴.

Бурная политическая жизнь Западной Европы XVIII–XIX вв. подталкивала историков к изучению хозяйственного прошлого мира и отдельных стран. Им необходимо было ответить на целый ряд вопросов, поставленных в ходе общественно-политического развития. Объяснить многие явления политической жизни без экономического анализа не представлялось возможным. Но, приступив к изучению хозяйственной истории, историческая наука обнаружила, что она не всегда в состоянии объяснить прошлое, используя только традиционные, как правило, описательные методы. Поэтому перед историками встала задача поиска новых научно обоснованных методов и приемов исследований.

²Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 11.

³Encyclopaedia Britannica. 1946. vol. XI. P. 378.

⁴Крандиевский С. И. Очерки по истории экономической истории. Харьков, 1964. С. 142.

С середины XIX в. они начали активно использовать *сравнительно-исторический метод*, который сводился к параллельному изучению, сопоставлению, сравнению общественно-экономических факторов, хозяйственных и правовых институтов, учреждений и т. д. Этот метод широко применялся в экономической истории, в частности, при изучении аграрных отношений. Он позволял исследователям проанализировать общие и специфические черты хозяйственного развития разных народов.

Начало использованию сравнительно-исторического метода в историко-экономических работах положил немецкий экономист Э. Нассе. Этот метод использовали: французский историк П. Виолле, бельгийский экономист Э. Лавеле, английский исследователь древнего права Г. Д. С. Мэн, русские историки П. Г. Виноградов, М. М. Ковалевский и другие.

Существенное влияние на развитие историко-экономической науки с середины XIX в. оказала философско-социологическая теория позитивизма О. Конта. Общественное развитие представлялось им как плавная без скачков и конфликтов эволюция, как постепенный переход общества от примитивного состояния к более сложным формам. В этой социальной эволюции известную роль играет географическая среда, плотность населения, климат, расы и т. д., но подлинным двигателем общественного прогресса являются разум и идеи.

Историк-экономист, стоящий на позитивистских позициях и уверовавший во всепобеждающую силу положительного знания, был убежден, что изучение экономической истории может помочь разработке экономической политики, позволит предвидеть будущее развитие общества.

Позитивизм способствовал распространению *статистического метода, метода количественных измерений*. Историки и экономисты при изучении социальных явлений и раньше применяли их, но в весьма ограниченных размерах. В немалой степени утверждению новых методов способствовало развитие государственной статистики (публикация статистической отчетности государственных ведомств и юридических лиц).

Одним из пионеров широкого внедрения статистико-количественных методов являлся А. Ж. Кетле. С этого времени историки-экономисты довольно часто стали прибегать к методу средних величин для изучения экономических тенденций. Им пользовались К. Лампрехт, Г. Кнапп в Германии; Э. Лавассер, Г. Фаньез во Франции; И. В. Лучицкий, П. Г. Виноградов, М. М. Ковалевский в России и др.⁵

С утверждением промышленного капитализма в Западной Европе историко-экономические исследования приобрели регулярный и системный характер. Появилось значительное количество исследований, посвященных истории хозяйственного развития отдельных регионов, отдельных стран и экономических институтов.

Исследованием экономической истории занимались и занимаются представители различных научных специальностей: статистики, археологи, этнографы, нумизматы, правоведы и др. Каждый из них вносит свою долю в изучение сложного, разнообразного по своим особенностям и специфическим условиям процесса экономического развития народов. Но в создании экономической истории как самостоятельной научной дисциплины определяющую роль сыграли историки и экономисты середины XIX столетия.

Среди историков и экономистов в это время наблюдался повышенный интерес к изучению хозяйственного прошлого. Наметившееся сближение этих наук выразилось во все более возрастающем проникновении *исторического метода* в политическую экономию и в повышенном внимании историков к хозяйственной истории. Все это дало повод некоторым ученым заговорить об историческом направлении в экономической науке и экономическом в исторической науке. Тесное сотрудничество между политической экономией и историей шло на пользу обеим наукам. «...Эти науки находятся между собой в такой тесной связи, что невозможно ни изучение одной без другой, ни серьезное исследование каждой из них порознь. Они постоянно опираются одна на другую; первая доставляет факты, вторая объясняет их причины и делает из них выво-

⁵Крандиевский С. И. Очерки по истории экономической истории. Харьков, 1964. С. 166-167.

ды, — писал французский экономист первой половины XIX в. Адольф Бланки, возглавивший в 1825 г. кафедру истории и политической экономии Специальной коммерческой школы Парижа. — По мере того, как я переходил от одной теории к другой, я чувствовал недостаток в примерах; с другой стороны, изучение событий оказывалось не полным, если они освещались политической экономией»⁶.

В этот же период в среде экономистов постепенно складывалось убеждение, что теоретическое изучение экономики целесообразно дополнить историческим анализом, позволяющим глубже и полнее понять современную экономическую практику, которая в свою очередь является продуктом исторического развития, и что только с помощью логических конструкций невозможно объяснить происходящие хозяйственные изменения. Становилось все более очевидным, что экономическую теорию необходимо дополнить исследованием конкретных хозяйственных процессов, а сделать это было невозможно без погружения в прошлое, без учета национальных особенностей, традиций, исторического опыта, т. е. национально-исторического фактора.

В экономической науке эти идеи впервые были высказаны представителями немецкой исторической школы — Ф. Листом, В. Рошером, Б. Гильдебрандом, Г. Шмоллером. Они полагали, что на развитие национального (народного) хозяйства оказывают воздействие не только базисные факторы, такие как экономика и политика, но и географическая среда, особенности исторического развития и национальной психологии, культура и религия. Экономика каждой отдельно взятой страны развивается по собственным, только ей присущим законам. Из этой посылки делался вывод о том, что создание универсальной экономической теории невозможно. Задачу экономической науки они видели в изучении национальных факторов и их влиянии на хозяйственное развитие.

Они негативно относились к концепции экономического человека, разработанной классической политэкономией, и отвергали представление об индивиде, свободном от

воздействия общественных факторов и автономно стремящемся к достижению максимальной личной выгоды. Для них он, в первую очередь, — культурное существо, ориентированное на общественные ценности. Поэтому при изучении экономики, по их мнению, требовалось учитывать разнообразные неэкономические факторы — этические, психологические и правовые.

Представители немецкой исторической школы рассматривали народное хозяйство как единое целое, а не как простую сумму отдельных индивидов. Части этого целого находятся в постоянном взаимодействии. В силу этого она управляется особыми законами, отличными от тех, которым подчиняется жизнь отдельно взятого человека. Они рассматривали ее как постоянно эволюционирующую систему, проходящую разные стадии развития, обладающую спецификой и собственными уникальными характеристиками.

Они отказались от исследования общих экономических законов в пользу истории народного хозяйства (экономической истории) и заменили метод абстракции *историческим методом*, который был ориентирован на выявление историко-экономических и национальных особенностей отдельных стран. Исторический метод предполагал сбор историко-экономических фактов, обобщение и интерпретацию собранного материала.

Немецкая историческая школа расширила рамки экономических исследований. Ее последователи доказывали, что для полноты и объективности исследований экономической науке необходимо изучать воздействие неэкономических факторов на хозяйственное развитие. Тем самым они поставили перед ней новые задачи и определили новые перспективы ее развития. Они явились родоначальниками «пограничных», междисциплинарных направлений в науке: экономической истории, экономической психологии, экономической социологии и т. д.

Отказываясь от теоретизированных и универсалистских представлений классической политэкономии, экономическая история через представителей немецкой исторической

⁶Бланки Ад. История политической экономии в Европе с древнейшего до настоящего времени. т. I. СПб, 1869. С. 5.

школы заявила о себе как о направлении, претендовавшем на самостоятельное положение внутри экономической науки.

Ее значение в формировании экономической истории велико. Известный русский историк и социолог Н. И. Кареев, обративший внимание на появление «экономизма в истории», возникновение которого он отнес к середине XIX в., отмечал, что этому направлению положила начало историческая школа в политической экономии, в частности труды В. Рошера⁷. Даже основатель маржинализма К. Менгер, несмотря на оппозицию «историзму» и резкую критику методологических основ исторической школы, не мог не признать ее заслуги в проведении исторической точки зрения в политической экономии. Хотя величайшим заблуждением экономистов «исторического направления», по его мнению, являлось «смешение теоретической национальной экономии с историей народного хозяйства»⁸.

Становление новой научной отрасли пробудило большой интерес к историко-экономической проблематике. Во второй половине XIX в. появились исследования, в которых анализировались особенности хозяйственной истории Италии, Франции, России и других стран. Основатели историко-экономического направления в Англии стали А. Тойнби и Дж. Эшли, в Германии — К. Бюхер, М. Вебер, В. Зомбарт, в России — М. М. Ковалевский и П. Г. Виноградов и др.

Основными задачами для них являлось изучение долгосрочных процессов хозяйственного развития — экономического роста, циклов конъюнктуры, эволюции производственных структур и общественных институтов, а также человека — *homo economicus*. Их решению способствовали исследования, представлявшие собой горизонтальные исторические срезы. Они изучали формы и принципы организации экономики, ее функционирование в различные исторические периоды, развитие отдельных отраслей национального хозяйства, конкретных историко-экономических событий и проблем прошлого.

Цель экономической истории они видели в поиске экономических закономерностей для прогнозирования будущего развития. Неравномерность развития мировой экономики, цикличность хозяйственного развития, сопровождавшаяся периодическими подъемами и спадами, обострила эти проблемы в конце XIX в.

В экономической науке, таким образом, постепенно оформилось новое направление, обладавшее собственными целями и задачами. При всей близости политической экономии и экономической истории каждая из них имела свой предмет исследования. Если политическая экономия изучала статичное состояние хозяйства, то экономическую историю интересовали проблемы эволюции. Такая специализация объяснялась недостаточной разработанностью в классической политэкономии вопросов экономической динамики. Новое направление соединило в себе недовольство узостью политической истории и абстрактностью экономики. Ранняя экономическая история отказалась от полноценного экономического анализа, но ее интересовали нетрадиционные для истории проблемы, для решения которых она привлекала новые, не использованные ранее источники.

Сближение политической экономии и истории, начатое в середине XIX в., явилось основой для возникновения экономической истории как самостоятельной науки. Ее собственная история представляет значительный интерес, ибо она была связана с эволюцией историко-экономической мысли, с противостоянием различных школ и направлений в исторической науке и политической экономии.

В своем развитии экономическая история прошла несколько этапов.

Конец XIX–середина 50-х гг. XX вв. — это **I период** развития экономической истории как самостоятельной науки. В англоязычных странах новая наука утвердилась под названием «экономическая история», в Германии и России она существовала как «история хо-

⁷Кареев Н. И. Политическая экономия и теория исторического процесса // Историческое обозрение. 1891. т. II. С. 86. прим. 1.

⁸Крандиевский С. И. Очерки по истории экономической истории. Харьков, 1964. С. 36.

зяйственного быта», «история экономического быта», «история народного хозяйства»⁹.

В отличие от историков, стремившихся на основе исследования хозяйственной практики по-новому посмотреть на историю собственных стран, у экономистов интерес к историческому прошлому был обусловлен стремлением создать новую теорию, которая объяснила бы современное экономическое состояние и определила перспективы будущего общественно-экономического развития. Наиболее полно такой подход был представлен в трудах К. Маркса и его последователей.

Марксизм оказал значительное воздействие на развитие экономической истории как науки. Все функции экономической истории, сформировавшиеся к этому времени, — историческая иллюстрация экономических теорий; историческая критика, т. е. проверка историческими данными экономических теорий; обоснование новых экономических теорий, основанных на историко-экономических исследованиях, — в полной мере были реализованы в трудах К. Маркса.

На основе разработанного *метода исторического материализма* К. Маркс создал учение об общественно-экономических формациях и составляющих ее элементах — экономическом базисе и надстройке, — определил причины смены формаций. Важнейшим постулатом марксистской методологии истории являлась идея, согласно которой экономические потребности людей независимо от их воли и желания определяют тенденции социального развития, что экономика детерминирует социально-исторический процесс. Однако преувеличение отдельных сторон этого учения, например, классовых проблем, роли материальных факторов в развитии общества, привело к догматизации этой великой для своего времени теории.

По мнению историков различных школ и направлений, *принцип системного анализа* общества, предложенный марксистской теорией, был одним из важнейших ее достижений,

вкладом в развитие теории исторического процесса. Что касается экономического детерминизма, то он отвергался большинством исследователей как ведущий к упрощению реальной многомерной действительности и придающий самой теории элементы телеологизма.

Ф. Бродель, крупнейший представитель школы «Анналов», писал: «Гений Маркса состоит в том, что он первый сконструировал действительные социальные модели, основанные на долговременной перспективе... мы больше не верим объяснению истории на основе того или иного доминирующего фактора. Не существует односторонней истории»¹⁰.

Влияние марксизма на общественную мысль XX столетия было чрезвычайно сильным. Оно не может быть объяснено лишь политическими или идеологическими причинами. Формационный подход дал работающую социальную модель. Она позволяла изучать общественное развитие «сквозь призму действия факторов объективных, от человеческой воли и сознания»; устанавливать определенную периодизацию истории общества; понимать исторический процесс как закономерную последовательность сменяющих друг друга этапов; выявлять генетические и причинные связи между ними; изучать взаимодействие между странами и народами, находящимися на разных уровнях развития.

Й. Шумпетер, подвергший критическому анализу экономические построения К. Маркса, особо выделял тот факт, что он «был первым экономистом высокого ранга, увидевшим и последовательно учившим других тому, как экономическую теорию можно превратить в исторический анализ, а историческое повествование — в *histoire raisonnee* (обоснование истории — фр.)»¹¹.

Действительно, почти половина текста первого тома «Капитала» — это мастерски подобранный исторический материал, с большей или меньшей достоверностью подтверждающий созданную автором теоретическую кар-

⁹В современной России ее называют экономической историей.

¹⁰Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории / общ. ред. И. С. Кона. М., 1977. С. 114-142.

¹¹Шумпетер И. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. С. 83-84.

тину противоречий капиталистической экономики и буржуазного общества.

На рубеже XIX–XX вв. возрос интерес к исследованию историко-экономических проблем. «В то время, — отмечал французский исследователь П. Шоню, — экономическая тематика начинает робко завоевывать права гражданства в обширных трудах по истории наций, а европейские нации никогда не были столь величественно агрессивны, как в конце прошлого века. Правда, экономической истории пока еще отводится последнее место — 4/5 площади текста посвящены государству, а экономика делит остальное с гражданским обществом, наукой и искусством»¹².

Движение к автономизации экономической истории, начатое в XIX в., однако, не сумело вывести ее из состояния некоторой неопределенности. Подобное положение объяснялось в первую очередь тем, что при изучении хозяйственных вопросов историко-экономисты использовали преимущественно старый инструментарий, основанный на описании процессов, не до конца определили предмет своей науки, не разработали собственный категориальный аппарат. Хотя уже во второй половине XIX в., благодаря исследованиям историков-экономистов, в экономической и исторической науках стали широко использовать такие понятия, как экономическая эволюция, ступени хозяйства, стадии экономического развития, промышленная революция, исторические формы сельскохозяйственного производства и промышленности и т. д.

Становление современной экономической истории как науки связано с именами М. Блока и Л. Февра¹³. В межвоенный период в западной историко-экономической науке сложилась школа «Анналов». Группировавшиеся вокруг французского журнала «Анналы: Экономика. Общество. Цивилизация» исследователи предложили новый подход, новые методы анализа прошлого. Согласно идее

М. Блока, Л. Февра, Ф. Броделя — основателей этого направления — глобальная история людей — это история событий, конъюнктуры и кризисов, общественных структур и масс. Такая постановка вопроса способствовала формированию нового направления в исследовании — «истории ментальностей».

В основе концепции «Анналов» лежит объяснение исторических событий через выявление экономических, демографических и экологических закономерностей. История человечества должна исследоваться как целое, состоящее из совокупности социальных отношений, формирующихся под воздействием множества факторов: экономических, географических, климатических, демографических, — духовных, социально-психологических, и оказывающих влияние на жизнь человека. Таким образом, все, что имеет отношение к человеку и его деятельности, подлежит изучению историка, ибо здесь, как отмечал Ф. Бродель, заключены «источники жизни» общества.

Идея глобальной, или тотальной, истории подразумевала стремление к синтезу взаимодействующих и пересекającychся материальных, природных, хозяйственных, социокультурных, психологических воздействий, определявших жизнь человека. «Моя концепция истории, — писал Ф. Бродель, — которую я применяю в отношении Франции, представляет собой концепцию глобальной истории, т. е. истории, которая наполнена всеми науками о человеке. Речь идет не только о том, чтобы выбрать одну из них и обвенчаться с ней, но главным образом о том, чтобы жить в состоянии конкубината со всеми науками о человеке»¹⁴.

Реализация этой идеи потребовала пересмотра всего исследовательского инструментария историка, введения принципиально новых понятий и категорий, позволяющих выразить новые представления об истории и формах ее движения. Ключевыми и наиболее

¹²См.: Шоню П. Экономическая история: Эволюция и перспективы // THESIS. Вып. 1. М, 1993.

¹³Из трудов Марка Блока (1886–1944) на русский язык были переведены «Характерные черты французской аграрной истории» (М., 1957) и «Апология истории, или Ремесло историка» (1-е изд. М., 1973; 2-е дополненное изд., 1986). В это издание включены отдельные разделы монографии Блока «Феодалное общество». Из трудов Люсьена Февра (1878–1956) были переведены «Бои за историю» (М., 1991), представлявшие собой собрание методологических статей разных лет.

¹⁴Габски А. Ф. Фернан Бродель: Вопросы методологии истории цивилизации // Цивилизация. Вып. 1. М: Наука, 1992. С. 180.

известными из них стали такие понятия, как «*большая длительность*» и «*ментальность*».

Понятие «ментальности» появилось в арсенале историков «*новой исторической науки*» благодаря работам М. Блока и Л. Февра. Несмотря на то, что это понятие сегодня используется достаточно широко, оно остается одним из наиболее расплывчатых, плохо поддающихся жесткому определению.

По мысли историков «*новой исторической науки*», ментальность — это мир веры, символов, культурных образцов, устойчивых стереотипов восприятия, часто не осознанных полностью, скрытых от самих их носителей. Этот мир реален и объективен, он подчинен временному движению «*большой длительности*». Это одна из тех устойчивых, непрерывных и малоподвижных структур, которая, наряду с окружающей природой, экономической и социальной организацией, составляет необходимую предпосылку исторической действительности.

Введение категории ментальности позволило историкам увидеть мир прошлого глазами людей исследуемой эпохи. Но реализация данного исследовательского подхода требовала признать, что, во-первых, история, замкнутая в себе и не обогащенная методами, категориями и открытиями других социально-гуманитарных научных дисциплин, оказалась не в состоянии вести анализ на необходимом уровне, и, во-вторых, история, отвергающая творческую активность ученого и отводящая ему роль пассивного собирателя фактов, — это не более чем «*глупая история*».

Заслугой историков «*новой исторической науки*» явилось, во-первых, признание и обоснование эффективности системного анализа общества, поскольку социальное целое — это сложная система, распадающаяся при рассмотрении на множество подсистем, внутренне единых и взаимодействующих между собой. Во-вторых, они обратились к изучению объективных процессов, происходящих на разных уровнях социального целого в различных временных потоках, включенных в «*большую длительность*», доказывали существование непрерывных и преемственных структур. В-третьих, они отрицали социальный детерминизм и понимали историю как сложное

функциональное взаимодействие многих систем, процессов и компонентов исторической реальности. В-четвертых, историки «*новой исторической школы*» резко осуждали «*событийную историю*», выступали за проведение анализа не событий, а существовавших систем и процессов. В-пятых, они выдвинули концепцию «*тотальной*» или «*глобальной*» истории, рассматривавшую структуры, процессы, их взаимодействие как целостную систему.

С 1960-х гг. направленность интересов школы «*Анналов*» в исследовании экономической истории менялась. Следствием повышенного внимания к изучению безличных структур, а не человека, стало обращение историков к проблемам ментальности, названной Э. Лабруссом и П. Шоню «*третьим уровнем истории*» после экономических и социальных отношений. От материальных факторов (производство, распределение) французские историки перешли к исследованию социально-экономического поведения людей. Внимание к исторической антропологии отчасти продиктовано боязнью модернизации истории, неизбежно происходящей при анализе средневековья с помощью современных понятий «*государство*», «*частная собственность*».

Достижения «*новой исторической науки*» впечатляют. Ими разрабатывались ранее даже не встававшие перед историками проблемы, например, история смерти, история климата, история представлений о времени и пространстве, история детства, история отношения к женщине, история семьи и брака и т. д. Благодаря их исследованиям, история приобрела новую глубину и целостность, очевидной стала многослойность исторической реальности. «*Новая историческая наука*» существенно модифицировала предмет исторической и историко-экономической наук, оказала глубокое влияние на характер исследований, выбор тем, методов исследования.

Развитие экономической истории как науки было тесно связано с экономическими и социальными процессами, проходившими в мире в 1930-х гг., важнейшими из которых являлись долгосрочные экономические колебания и мировой кризис. Мировой экономический кризис 1929-1933 гг. положил предел

экстенсивному типу экономического роста, который обеспечивал развитие вширь и был характерен для всего XIX в., завершил период развития экономики, основанного на идеях экономического либерализма. Труды по экономической истории, отмечал П. Шоню, «это попытка ответить без прикрас на тревожные вопросы эпохи. Анализ взаимосвязей, сопоставления, изучение человеческой природы, исторические аналогии — все это явно делалось как ответ на проблему номер один: кризис»¹⁵.

В этих условиях экономическая история стремилась отвечать на самые злободневные вопросы своего времени посредством анализа взаимосвязей, сопоставления и изучения экономической деятельности человека, проведения исторических аналогий, применения разных исследовательских инструментов, в т. ч. с использованием методов зародившейся тогда же *количественной истории*.

Уже в конце XIX–начале XX вв. исследователи экономического цикла начали использовать долговременные статистические показатели, характеризующие циклические процессы в экономике, т. е. по сути заложили основы исторического подхода к хозяйственному анализу.

В 1917 г. в США было создано Национальное бюро экономических исследований, и под эгидой этой организации работы по анализу долговременных тенденций развития экономики стали интенсивно расширяться. Исследования экономического цикла сочетались с изучением долговременных закономерностей экономического роста; расширение статистической базы и статистических методов анализа шло параллельно с развитием теории экономической динамики.

В 1920–1930-е гг. под руководством У. Митчелла начала разрабатываться система статистических индикаторов экономического цикла, а С. Кузнец возглавил работу по разработке счетов национального дохода и продукта. Анализ долговременных тенденций экономического развития стал возможен после создания статистической базы исследований.

Статистика национального дохода и продукта, индикаторы цикла, индексы цен и промышленного производства — все эти показатели были разработаны и внедрены в практику исследований в первые десятилетия XX в. Сбор и обработка статистической информации сопровождалась интенсивным развитием теории статистики.

Статистические разработки 1920–1930-х гг. были неразрывно связаны с историко-экономическим анализом. Основное внимание уделялось построению и изучению динамических рядов. Наряду с изучением экономического цикла и экономического роста в эти годы сформировалось еще одно направление исследований долговременных тенденций развития экономики — анализ так называемых «длинных волн», т. е. долговременных колебаний экономической активности (цен, процентных ставок, темпов экономического роста и т. д.) с периодом 50 лет. Концепция длинных волн по сути представляла собой синтез исследований экономического цикла и роста. В разработке этой темы единство экономической теории, истории и статистических методов анализа проявлялось особенно наглядно.

На середину 1950 – вторую половину 1970-х гг. приходится II этап развития экономической истории.

К середине XX в. экономическая история уже более полувека существовала как самостоятельное научное направление. Ее спокойное существование нарушилось после второй мировой войны, когда экономическая наука вступила в полосу глубоких и качественных изменений, ставших результатом деятельности послевоенного поколения экономистов, выросшего на новых теоретико-методологических принципах неоклассической экономической теории. Огромное влияние на становление нового научного направления оказали экономисты-теоретики: А. Гершенкрон, С. Кузнец, В. В. Леонтьев, У. Ростоу, С. Фабрикант, Й. А. Шумпетер.

Неоклассическая теория сместила исследовательский интерес в область макроэконо-

¹⁵См.: Шоню П. Экономическая история: Эволюция и перспективы // THESIS. Вып. 1. М., 1993

мики с использованием таких экономических категорий, как рост доходов, изменения цен, финансово-кредитная политика. Для анализа проблем экономического роста неоклассиками широко использовались данные экономической истории.

Структурная перестройка в экономической науке не могла не затронуть и экономическую историю. В новых условиях традиционная экономическая история перестала отвечать уровню стоящих перед экономической наукой задач. Описательные подходы к традиционным ее сферам, таким как экономический рост, функционирование экономических институтов, изучение бизнес-циклов и т. д., перестали соответствовать новым требованиям. Для нового поколения экономистов традиционная экономическая история потеряла «экономичность», а, следовательно, и научность.

Однако вопросы, которыми занималась экономическая история, оказались интересны для экономистов с точки зрения применения нетрадиционных подходов и новых методов. Они вторглись в экономическую историю и начали переписывать ее, используя методологию, приемы и методы обновленной экономики. Исторические и социологические категории эволюции и изменения структур были заменены экономическими понятиями.

Экономисты приступили к переосмыслению старых историко-экономических проблем, в частности экономического роста, под которым они стали понимать увеличение производства продукции на душу населения, рассчитанное при помощи статистических данных о доходах и объясненное с помощью математических факторных моделей производства и темпов сбережения. Начало этому положили работы С. Кузнеця и его школы, оказавших непосредственное влияние на формирование «новых экономических историков», таких как Р. Истерлин, Д. Норт, Р. Фогель¹⁶. Аспирантами Й. А. Шумпетера и «отца

эконометрики» В. В. Леонтьева были А. Конрад и Дж. Мейер.

Свои идеи «новые историки» апробировали в трех областях: во-первых, в новых подходах к решению старых проблем американской экономической истории, во-вторых, в изучении экономического роста, а в-третьих, в обновленной институциональной истории.

В 1960-х гг. А. Конрад и Дж. Мейер продемонстрировали возможности применения современных теоретических экономических контрфактических (несбывшегося будущего) моделей при анализе экономики рабовладельческого юга США. Эти работы положили начало созданию нового направления в экономической истории — клиометрики или «новой экономической истории»¹⁷.

На первых порах молодые экономисты и представители традиционной экономической истории были глубоко чужды друг другу, поскольку «новые историки» появились не в результате внутренних процессов в экономической истории, а пришли в нее из экономики, заинтересовавшись применением новых теоретико-методологических принципов к историко-экономической тематике. Полемика между ними носила острый и не всегда продуктивный характер из-за непонимания одними исторического языка, а другими — экономического. Клиометристы в 1960-е гг. объявили войну традиционной экономической истории. Они призывали к полной ее перестройке на эконометрической основе, а традиционную экономическую историю предлагали «выбросить» за фактографичность, оторванность от экономической теории, за обращение к статистическому материалу только как к иллюстрации. «Новые историки» полагали, что с подведением под экономическую историю прочной теоретической базы эта дисциплина приобретает черты «полноценной» науки, т. е. даст возможность осуществлять прогнозирование экономических процессов, теоретически вос-

¹⁶Выражение «новая экономическая история» было использовано Р. Фогелем в книге «Железные дороги и экономический рост США: Очерки экономической истории». Окончательно оно утвердилось в 1966 г. после выхода статьи того же автора под названием «Новая экономическая история, ее открытия и методы».

¹⁷Термин «клиометрия» в научный оборот был введен в 1960 г. американскими учеными Дж. Хьюгсом и С. Рейтером. Датой рождения клиометрического метода считается 1958 г., когда появилась статья американцев А. Конрада и Дж. Мейера «Экономика рабства в довоенном Юге». Широкое распространение клиометрические исследования приобрели в середине 1960-х гг., когда началась, как говорят сегодня, так называемая «клиометрическая революция».

полнить детали в картине мира, недоступные непосредственному опыту.

Наиболее яркими представителями этой школы являлись С. Кузнец, У. Ростоу, Д. Норт, Р. Фогель и другие. Последние — Р. Фогель и Д. Норт — в 1993 г. получили Нобелевскую премию по экономике «За крупные исследования в области экономической истории с приложениями к экономической теории и количественным методам объяснения экономических и институциональных изменений». Присуждение премии являлось фактическим признанием клиометрики в качестве полноценного научного направления¹⁸.

Характерными чертами клиометрического направления явилось широкое использование количественных методов, применение инструментария экономической теории, статистического моделирования, гипотетического моделирования и альтернативных версий. Моделирование в исторических исследованиях, по мнению новых историков, дало экономической истории возможность применять научный эксперимент, исходные данные которого можно изменять, опираясь на фундаментальную теорию. Требования к построению экономических моделей, способу доказательств и проверке гипотез копировали принципы работы с физическими моделями. Клиометрика первой волны заимствовала систему доказательств и образ мышления точных наук, призывая перестроить по этим принципам всю экономическую науку, изгнав тем самым из нее описательность и иллюстративность.

Благодаря клиометрике были получены невозможные для прежней экономической истории результаты, например, были оценены ВВП развитых стран Европы вплоть до XIII в., рассчитаны такие показатели, как численность населения, производительность труда, эффективность производства, динамика цен, прибыли и накопления в средние века, в эпоху возрождения и новое время.

К середине 1970-х гг. «новая экономическая история» заняла то место, которое ранее зани-

мала традиционная экономическая история. Последняя была вытеснена из экономики в область деловой истории или истории предпринимательства (business history). Обновленная экономическая история смогла сохранить относительную самостоятельность в рамках экономической науки.

На рубеже 1970-1980-х гг. наступил новый период в развитии клиометрики. К тому времени она превратилась в признанное академическим сообществом научное направление. Но ее облик изменился по сравнению с предыдущим периодом. Прежние проблемы ею были достаточно хорошо разработаны, и интерес к ним упал. В клиометрику пришло новое поколение исследователей, которые расширили тематику исследований за пределы экономических вопросов. Она стала многообразней, распространив свои принципы на другие области общественных наук, и более терпимой по отношению к традиционным методам исследования. Клиометрика превратилась в междисциплинарную дисциплину, включавшую в себя экономику, историю, а также социологию и демографию. Объединяла это разнообразие научных направлений теория (экономическая, социологическая, демографическая) и количественные методы.

Позже модернизации подверглась и другая область традиционной экономической истории — институциональная история, которая смогла указать границы «новой экономической истории», повлиять на более внимательное отношение клиометристов к методам традиционной истории.

Влияние клиометрики на экономическую историю оказалось многоплановым. Она показала пример максимального использования экономического инструментария в исторических исследованиях. Главные результаты деятельности клиометрической школы заключаются в том, что она привнесла в экономическую историю строгий анализ на основе неоклассической теории и количественных методов. Клиометристы начали работать с массовыми статистическими данными в не-

¹⁸Основные работы Д. Норта: «Экономический рост США: 1790–1860» (1961), «Подъем западного мира: Новая экономическая история» (1973), «Структура и движение экономической истории» (1981) и другие. Важнейшие работы Р. Фогеля: «Железные дороги и рост американской экономики: Эссе по эконометрической истории» (1964); «Научная история и традиционная история» (1982) и другие.

виданном до этого масштабе. Благодаря им в американской экономической истории стал господствовать экономический стиль изложения материала.

Использование количественных методов анализа в экономической истории дало толчок к распространению этих методов и в других областях исторических исследований. Методы статистического моделирования начали активно использоваться не только в экономической истории, но и при изучении истории политических и социальных явлений и процессов. Соответственно появились «новая социальная история» и «новая политическая история».

«Новая экономическая история» особенно интенсивно развивалась в США. Этому способствовали успехи эконометрики, обширная база статистических данных, накопленных в XIX и XX вв., первоклассная вычислительная техника. Немалую роль в распространении экономической истории в США сыграла и традиционная склонность американцев к конкретному знанию, количественности, цифре.

III этап развития экономической истории начался в середине 1970-х гг. и продолжается до настоящего времени.

Перед экономической наукой в эти годы стояла задача создания перспективной модели экономического развития. С этой целью была предпринята попытка осуществить синтез экономической теории и экономической истории. Экономическая история рассматривалась как эмпирическая база для исследования проблем экономического цикла и экономического роста и выявления долговременных тенденций развития хозяйства, подтверждения законов общественного развития. Экономическая история призвана была изучать экономическое прошлое, искать закономерности этого развития для прогнозирования будущего.

На этой основе сформировалась «историческая экономика», объединившая в себе «новую экономическую историю» и долговременные тенденции экономического развития. Это направление основывалось на использовании *статистической информации, экономико-математических моделей*, учете теоре-

тических представлений о закономерностях функционирования рыночной экономики; анализе эволюции различных хозяйственных институтов, в т. ч. роли государства; изучении структуры рынков и эволюции трудовых отношений.

К концу XX в. мировая экономическая наука, которая до этого все более обособлялась, специализировалась и математизировалась, стала осознавать свои ограниченные возможности. Это выражалось в росте неудовлетворенности классическими концепциями и в привлечении экономистами подходов и категориального аппарата смежных наук. Начали складываться новые направления — *эволюционная экономика и неoinституционализм*. Для последних было характерно использование подходов, понятий и методов, развитых в социальных науках, преимущественно в культурной антропологии, политологии и социологии¹⁹.

Основателями нового направления в экономической теории — неoinституционализма — стали представители «новой исторической школы» — Р. Фогель и Д. Норт. Основатель неoinституционализма Д. Норт вспоминал, что его интерес к институциональной истории возник в связи с изучением экономической истории Европы, позволившей ему прийти к выводу, что неоклассическая теория не в состоянии объяснить причины экономического развития, поскольку не рассматривала взаимную обусловленность институциональных изменений в обществе и экономического роста.

Представители неoinституционализма рассматривали бизнес как разновидность экономической деятельности, а политический рынок по аналогии с товарным. Государство — это арена конкуренции за влияние на принятие экономических решений, за доступ к ресурсам и место в существующей иерархии. Государство — особая сфера рынка. У всех его участников свои права собственности: избирательные у избирателей, принятие законов у депутатов, исполнение законов у чиновников. Демократия использует разделение труда и разделение властей. Неoinсти-

¹⁹Нуреев Р. М. Институционализм: Прошлое, настоящее, будущее // Вопросы экономики. 1999. № 1.

туционалисты рассматривали социальные институты как орудие для решения проблем «трансакционных издержек», т. е. затрат на заключение сделок, которые в условиях рыночной экономики неизбежны и разнообразны. Таким подходом ими создавались предпосылки для синтеза экономической науки с другими социальными науками.

Представители неоинституционализма распространили метод экономического анализа на неэкономические сферы человеческой деятельности. Экономический анализ позволял интерпретировать поведение не только экономических, но и социальных институтов. Ими были сформированы новые отрасли экономического анализа: экономика права, экономика семьи, экономика преступления и т. д.

Разработанный ими аналитический аппарат был использован для анализа экономической истории в целом и для раскрытия причин, объясняющих бурный экономический рост в некоторых странах в определенные эпохи и отсутствие такого в других странах.

Сторонники концепции институциональной эволюции акцентировали внимание на сравнительном анализе экономических институтов в различные исторические периоды и в различных регионах, исследовали связь между возникновением, доминированием и разрушением институциональных систем и темпами экономического роста. Основным их тезис заключался в том, что факторы, которые традиционно принято рассматривать как стимуляторы роста (инновации, сбережения, образование, научно-технический прогресс) в действительности являются лишь его индикаторами. Главным условием успешного и быстрого развития экономики является существование эффективных институтов.

Не исключая полностью неоклассику, Д. Норт предлагал добавить в экономический анализ такие факторы, как технология, народонаселение, идеология и институты. По его мнению, рынок — это сложное и неоднозначное явление, имеющее вместе с тем определенную структуру и состоящую из различных институтов. Под ним он понимал законы, правила игры, определенные кодексы поведения, типы отношений и связей.

Институты — это набор правил, процедура соответствий, моральное и этическое поведение индивидуума в интересах максимизации богатства. Институты представляют сознательно разработанные формальные (законы, конституции) и неформальные (договора и добровольно принятые кодексы поведения) ограничения, а также инструменты и механизмы принуждения.

Развитие экономики происходит в процессе взаимодействия между институтами и организациями, когда первые определяют «правила игры», а вторые являются «игроками». Институты меняются. Новые институты возникают тогда, когда перед обществом встает задача повышения эффективности производства, которого невозможно достигнуть прежними средствами. Основной функцией, которую выполняют институты, является экономия трансакционных издержек. Если в ответ на экономические изменения создаются институты, успешно справляющиеся с этой задачей, то экономика получает положительный импульс для развития.

Институциональная экономическая теория расширила микроэкономический анализ, вовлекла в него факторы, которые прежде не учитывались классической микроэкономической теорией. К ним относились факторы неполноты информации, неопределенности (ожидания), в т. ч. прав собственности и, наконец, факторы коллективных действий в ситуации общественного выбора, которые отличались от действий в ситуации индивидуального выбора, рассматриваемых традиционной микроэкономикой.

Если «старые» институционалисты стремились изучать экономику методами других общественных наук, прежде всего социологии, то неоинституционалисты утверждали, что только экономический подход способен объяснить проблемы других общественных наук. За подобный экономический детерминизм неоинституционалистов обвинили в «экономическом империализме». Если «старые» институционалисты были аутсайдерами экономического сообщества, то неоинституционалисты стали его фаворитами. В списке нобелевских лауреатов по экономике восемь в той или иной степени относились к неоинституциональному направлению.

Таким образом, в процессе своего развития экономическая история как наука прошла несколько этапов. На каждом из них на нее оказывали влияние научные школы, господствовавшие в экономической и исторической науках, разные теоретические концепции. На первом этапе это историческая школа, марксизм и французская историческая школа «Анналы»; на втором — клиометрика, теория экономической динамики и концепция эконо-

мического роста; на третьем — неoinституциональная экономическая история.

В области методического обеспечения экономическая история из нарративной, описательной отрасли экономической науки превратилась в экономическую науку, использующую разнообразный методический инструментарий, а ее исследования стали полноценной составляющей экономического анализа.

Литература:

1. Болингброк. Письма об изучении и пользе истории / Болингброк. – М., 1978.
2. Бланки, Ад. История политической экономии в Европе с древнейшего до настоящего времени / Ад. Бланки. – СПб, 1869. – т. I.
3. Бродель, Ф. История и общественные науки. Историческая длительность / Ф. Бродель // Философия и методология истории : общ. ред. И. С. Кона. – М., 1977.
4. Вебер, М. История хозяйства. Очерк всеобщей социально-экономической истории / М. Вебер. – Пг., 1924.
5. Грабски, А. Ф. Фернан Бродель: вопросы методологии истории цивилизации / А. Ф. Грабски // Цивилизация. – М.: Наука, 1992. – Вып. 1.
6. Кареев, Н. И. Политическая экономия и теория исторического процесса / Н. И. Кареев // Историческое обозрение. – 1891. – т. II. прим. 1.
7. Крандиевский, С. И. Очерки по истории экономической истории / С. И. Крандиевский. – Харьков, 1964.
8. Нуреев, Р. М. Институционализм: прошлое, настоящее, будущее / Р. М. Нуреев // Вопросы экономики. – 1999. – № 1.
9. Шоню, П. Экономическая история: эволюция и перспективы / П. Шоню // THESIS. – М., 1993. – Вып. 1.
10. Шумпетер, И. Капитализм, социализм и демократия / И. Шумпетер. – М.: Экономика, 1995.